

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДНЕВНИКУ АМИЕЛЯ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 29

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 29. Произведения
1891–1894 гг. Предисловие
к дневнику Амиеля
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880733

Содержание

Лев Николаевич Толстой	4
Предисловие к электронному изданию	6
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДНЕВНИКУ АМИЕЛЯ	9
ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ	15
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДНЕВНИКУ АМИЕЛЯ	15
* № 1 (рук. № 1).	15
* № 2 (рук. № 1).	16
Комментарии Н. В. Горбачева	17
«ПРЕДИСЛОВИЕ К ДНЕВНИКУ АМИЕЛЯ»	17
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лев Николаевич Толстой

Предисловие к дневнику Амиеля (1893 г.)

Государственное издательство
художественной литературы
Москва – 1954

Электронное издание осуществлено
компаниями [ABBYY](#) и [WEXLER](#)
в рамках краудсорсингового проекта
[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы проекта:
[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания ABBYY](#)

Подготовлено на основе электронной копии 29-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предостав-
ленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 29-му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно про-
читать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Л. Н. Толстой в Бегичевке.
Фотография 1892 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДНЕВНИКУ АМИЕЛЯ

Года полтора тому назад мне в первый раз довелось прочесть книгу Амиеля: «Отрывки задушевного дневника» («Fragments d'un journal intime»). Я был поражен значительностью и глубиной содержания, красотой изложения и, главное, искренностью этой книги. Читая ее, я отмечал из нее места, особенно поразившие меня. Дочь моя взялась перевести эти места, и так составились эти выдержки из «Fragments d'un journal intime», т. е. выдержки из выдержек всего многотомного и ненапечатанного дневника Амиеля, веденного им изо дня в день в продолжение 30 лет.

Henri Amiel родился в 1821 году в Женеве и рано остался сиротой. Окончив в Женеве курс высшего образования, Амиель поехал за границу и там пробыл несколько лет в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Вернувшись в 1849 году на родину, он 28-летним молодым человеком получил место профессора эстетики в Женевской академии и занимал это место до 1854 года. С 1854 года он занял кафедру философии в той же академии и занимал ее до самой смерти.

Вся жизнь Амиеля прошла в Женеве, где он и умер в 1881 году, ничем не выделившись из числа тех самых обыкновен-

ных профессоров, которые, механически компилируя свои лекции из последних вышедших по их специальности книг, также механически передают их своим слушателям, и из еще большего числа бессодержательных стихотворцев, которые поставляют этот, хотя и никому не нужный, но всё еще покупаемый, товар на десятки тысяч издающихся журналов.

Амиель не имел ни малейшего успеха ни на ученом, ни на литературном поприще. Уже приближаясь к старости, он писал про себя следующее:

«Что же я сумел извлечь из тех даров, которые мне были даны, из особенных условий моей полувековой жизни? Что я извлек из своей почвы? Разве все мои бумагомарания, собранные вместе, моя переписка, *эти тысячи задушевных страниц*, мои лекции, мои статьи, мои стихи, мои различные заметки – разве всё это не есть только сухие листья! Кому и на что я когда-либо был нужен? И разве имя мое проживет хоть днем дольше меня и будет для кого-нибудь иметь какое-либо значение? Ничтожная, пустая жизнь! *Vie nulle*».

Об Амиеле и о дневнике его уже после его смерти писали два известных французских писателя: его друг, известный критик Э. Шерер, и философ Каро. Интересен тот сочувственный, но отчасти покровительственный тон, с которым оба эти писателя относятся к Амиелю, сожалея о том, что он был лишен тех качеств, которые нужны для совершения настоящего труда. А между тем, те настоящие труды этих двух писателей – критические труды Э. Шерера и фи-

лософские Каро – едва ли долго переживут своих авторов, тогда как нечаянный, не настоящий труд Амиеля, его дневник, останется навсегда живою, нужною для людей и плодотворно действующею на них книгой.

Писатель ведь дорог и нужен нам только в той мере, в которой он открывает нам внутреннюю работу своей души. Что бы он ни писал: драму, ученое сочинение, повесть, философский трактат, лирическое стихотворение, критику, сатиру, нам дорога в произведении писателя только эта внутренняя работа его души, а не та архитектурная постройка, в которую он большею частью, да, я думаю, и всегда, уродуя их, укладывает свои мысли и чувства.

Всё, что Амиель отливал в готовую форму: лекции, трактаты, стихотворения, было мертво; дневник же его, где, не думая о форме, он говорил только сам с собой, полон жизни, мудрости, поучительности, утешения и навсегда останется одной из тех лучших книг, которые нам нечаянно оставляли люди, как Марк Аврелий, Паскаль, Эпиктет.

Паскаль говорит:

«Есть только три рода людей: одни те, которые, найдя бога, служат ему; другие, которые, не найдя его, заняты исканием его, и третьи те, которые, не найдя его, все-таки не ищут его.

Первые разумны и счастливы, последние безумны и несчастны, средние несчастны, но разумны».

Я думаю, что разница, которую устанавливает Паскаль

между первыми и вторыми, между теми, которые, как он говорит в другом месте, найдя бога, всем сердцем служат ему, и теми, которые, не найдя его, всем сердцем ищут его, не только не так велика, как он это думал, но и вовсе не существует. Я думаю, что те, которые всем сердцем своим и страдая (*en gémissant*, как говорит Паскаль) ищут бога, уже служат ему. Служат тем, что этими страданиями искания прокладывают и открывают для других путь к богу, как это сделал сам Паскаль в своих «Мыслях» и как это всю свою жизнь делал Амиель в своем дневнике.

Вся жизнь Амиеля, как она представляется нам в этом дневнике, полна этого, всем сердцем своим страдающего, искания бога. И созерцание этого искания тем более поучительно, что оно никогда не перестает быть исканием, никогда не останавливается, не переходит в сознание обретения истины и в поучение. Амиель не говорит ни себе, ни другим: «Я знаю теперь истину, слушайте меня!» Напротив, ему кажется, как это и свойственно тому, кто искренно ищет истину, что чем больше он узнает, тем больше ему нужно знать, и он, не переставая, делает всё, что может, чтобы более и более познавать истину, и потому постоянно чувствует свое незнание. Он постоянно загадывает о том, каково должно быть христианство и состояние христианина, ни на минуту не останавливаясь на мысли о том, что христианство есть то самое, что он исповедует и что он сам осуществляет в себе состояние христианина. А между тем весь дневник его по-

лон выражениями самого глубокого христианского понимания и чувства. И выражения эти действуют особенно сильно на читателя именно своей бессознательностью и искренностью. Он говорит сам с собою, не думая о том, что его слушают, не стараясь казаться уверенным в том, в чем он не уверен, не скрывая своего страдания и искания.

Как будто присутствуешь без ведома хозяина при самой таинственной и глубокой, и страстной, обыкновенно скрытой от постороннего взгляда, внутренней работе души.

И потому можно найти много более стройных и красноречивых выражений религиозного чувства, чем выражения религиозного чувства Амиеля, но трудно найти более задушевные и хватающие за сердце. Незадолго до своей смерти, зная, что болезнь его всякий день может кончиться задушением, он пишет:

«Когда не мечтаешь уже о том, что имеешь перед собой свободными десятки лет, год, месяц, когда считаешь уже десятками часов и будущая ночь несет в себе уже угрозу неизведанного, очевидно, что отказываешься от искусства, науки, политики и довольствуешься беседой с самим собой, а это возможно до самого конца. Внутренняя беседа эта – одно, что остается приговоренному к смерти, казнь которого откладывается. Он (этот приговоренный) сосредоточивается в себе самом. Он уже не лучеиспускает, а только беседует с своей душой. Он уже не действует, а созерцает... Как заяц, он возвращается умирать к своему жилищу; и жилище это –

его совесть, его мысль. Пока он может держать перо и имеет минутку уединения, он сосредоточивается перед этим отзвуком самого себя и беседует с богом.

Это, впрочем, не нравственное исследование, не покаяние, не призыв. Это только «аминь» покорности.

Дитя мое, отдай мне свое сердце.

Отречение и согласие мне менее трудны, чем другим, потому что я ничего не хочу. Я бы желал только не страдать. Христос в Гефсиманском саду просил о том же. Сделаем же то же, что и он. «Впрочем, пусть будет не моя воля, но твоя» – и будем ждать».

Таков он накануне своей смерти. Он не менее искренен и серьезен и в продолжение всего дневника, несмотря на изящество и во многих местах кажущуюся изысканность своей речи, ставшей для него привычкой. В продолжение всех 30-ти лет своего дневника он чувствует то, что мы все так старательно забываем, – то, что мы все приговорены к смерти и казнь наша только отсрочена. И от этого-то так искренна, серьезна и полезна эта книга.

Лев Толстой.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДНЕВНИКУ АМИЕЛЯ

*** № 1 (рук. № 1).**

Уже давно Н[иколай] Н[иколаевич] Страхов говорил мне <не раз> про особенные <замечательные> достоинства дневника Амиеля. Но мне всё не приходилось прочесть его. Годы 1 ¹/₂ тому назад я прочел эту книгу, и книга эта дала мне много душевных радостей. Читая ее, я отмечал из нее места, особенно поражавшие меня. Дочь моя взялась перевести эти места, и так составила эта книга <которая будет уже выдержками из выдержек дне[вника]>. Самая книга «Journal intime» («Задушевный дневник») есть выдержка, составленная после смерти Амиеля из <29 тетрадей> всего многотомного дневника <его>, веденного им изо дня в день в продолжение 30 лет. Так что то, что печатается теперь по-русски, составляет только выдержку из выдержек.

Henri Amiel родился в 1821 году в Женеве от достаточных

и образованных родителей, рано умерших.¹ Окончив² курс в Женеве, Амиель поехал в Германию и там пробыл несколько лет в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Вернувшись в 1849 году на родину, он 28 лет получил место профессора эстетики в Женевской Академии, которую он променял в 1854 [году] на кафедру философии в той же Академии. В разное время он написал несколько статей и книжек стихов, которые не имели никакого успеха.

* № 2 (рук. № 1).

Писатель дорог и нужен нам только в той мере, в которой он правдиво проявляет нам свою душу. Что бы он ни писал: драму, ученое сочинение, повесть, философский трактат, лирическое стихотворение, сатиру – нам нужна только работа его души, а не та архитектурная постройка, в которую он, уродуя их, укладывает свои мысли. И чем искреннее, проще выражена душа писателя, тем он дороже и поучительнее для нас. Форма же, вперед усвоенная форма, почти всегда немного, а иногда совершенно скрывает от нас душу писателя, и тогда всё, что он пишет, как бы оно ни было учено, умно и виртуозно, не нужно нам.

¹ Зачеркнуто: Он рано остался сиротою

² Зач.: образование

Комментарии Н. В. Горбачева

«ПРЕДИСЛОВИЕ К ДНЕВНИКУ АМИЕЛЯ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Толстой познакомился с дневником Амиеля в 1892 г. 1 октября 1892 г. он записал в свой Дневник: «Читаю Amiel'a, недурно».³ А спустя несколько дней, 7 октября, Толстой отметил в Дневнике: «Amiel очень хорош... К Amiel'у хотел бы написать предисловие».⁴

В 1892—1893 гг. М. Л. Толстая перевела под редакцией отца выбранные им отрывки из французского издания дневника Амиеля. 3 февраля 1893 г. Толстой сообщал жене: «После обеда поправляли с Машей Амиеля. Очень хорош».⁵ О том же 3 февраля 1893 г. писала из Ясной Поляны и Мария Львовна: «По вечерам мы с папа поправляем мой перевод

³ Т. 52, стр. 73.

⁴ Там же, стр. 74.

⁵ Т. 84, стр. 179.

Amiel'a».⁶

7 сентября 1893 г. издатель «Северного вестника» Л. Я. Гуревич уведомляла Толстого, что приехавший из Ясной Поляны Н. Н. Страхов привез от Марьи Львовны» начало перевода Амиеля; перечитывая этот перевод, она «радовалась», что он будет напечатан в ее журнале.⁷

В письме от 15 декабря 1893 г. она «еще раз» обращалась к Толстому с просьбой написать к дневнику Амиеля хотя бы небольшое предисловие, «чтобы видно было, кто он, что такое его дневник и что из этого дневника выбрано и печатается».⁸

3 декабря 1893 г., снова упомянув в письме к Г. А. Русанову о своей работе над переводом Амиеля, Толстой сообщал, что на очереди у него, наряду с предисловием к Мопасану, и предисловие к дневнику Амиеля.⁹ В том же 1893 г. Толстой обращался к профессору Московского университета Н. И. Стороженко, прося прислать сведения об Амиеле. В недатированном письме, хранящемся в ГМТ и являвшемся ответом на несохранившееся письмо Толстого, Стороженко сообщал, что он «перерыл» все словари, истории литератур, всякого рода справочные книги и нашел в них только несколько строк из биографии Амиеля. Стороженко назвал

⁶ Письмо не опубликовано; хранится в ГМТ.

⁷ То же.

⁸ То же.

⁹ Т. 66, стр. 436—437.

также научные труды Амиеля и послал Толстому две статьи Каро об Амиеле. В Дневнике же 22 декабря 1893 г. Толстой записал, что «более месяца в Москве» и за это время «написал предисловие к Амиелю». ¹⁰

Таким образом, статью об Амиеле Толстой начал писать не ранее 3 декабря 1893 г., а закончил не позднее 22 декабря того же года. Об этом свидетельствуют и даты, проставленные на рукописях статьи (см. «Описание рукописей»).

В январском номере «Северного вестника» за 1894 г. были напечатаны первые отрывки из дневника Амиеля в переводе М. Л. Толстой. В этом номере, в виде предисловия, появилась и статья Толстого об Амиеле.

Все выбранные Толстым отрывки из дневника Амиеля в переводе М. Л. Толстой были напечатаны в первых семи номерах (январь – июль) «Северного вестника» за 1894 г. В том же году эти отрывки, под заглавием: «Из дневника Амиеля», вышли отдельной книгой в издании «Посредника» для интеллигентных читателей. В книге в виде предисловия была помещена статья Толстого об Амиеле. Как в этом, так и в последующих изданиях (например, в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого», часть тринадцатая, М. 1894) статья об Амиеле представляла собою перепечатку первого издания, с рядом ошибок и искажений.

В настоящем издании «Предисловие к дневнику Амиеля» печатается по тексту «Северного вестника», 1894, № 1.

¹⁰ Т. 52, стр. 104—105.

В первопечатный текст вносятся, однако, два исправления. Установлено, что в текст рукописей №№ 3 и 4 П. И. Бирюковым было внесено несколько поправок. Поправки, сделанные Бирюковым в рукописи № 3, принимаются как авторизованные Толстым в рукописи № 4. Поправки же, внесенные Бирюковым в рукопись № 4 (последнюю сохранившуюся и мало отличающуюся от печатного текста), не могут быть приняты, так как они грубо искажают авторскую мысль и не были авторизованы Толстым (соответствующие отрывки рукописи № 4 без каких-либо изменений вошли в печатный текст).

В рукописи № 4 (л. 1 об.) у Толстого была фраза: «Вернувшись в 1849 году на родину, он 28-летним молодым человеком получил место профессора эстетики в Женевской академии и занимал это место до 1854 года. С 1854 года он занял кафедру философии в той же академии и занимал ее до самой смерти» (печ. текст, стр. 208, строки 15—19). П. И. Бирюков исправил эту фразу следующим образом: «Вернувшись в 1849 году на родину, он 28-летним молодым человеком получил в Женевской академии место профессора сначала эстетики, а потом философии и занимал его до самой смерти». В настоящем издании отвергается исправление П. И. Бирюкова и фраза дается в редакции, обозначившейся у Толстого в рукописи № 4.

В рукописи № 4 (л. 2 об.) имеется вставка Бирюкова, грубо искажающая одну из основополагающих мыслей Толсто-

го об искусстве. У Толстого было написано: «Писатель ведь дорог и нужен нам только в той мере, в которой он открывает нам внутреннюю работу своей души» (печ. текст, стр. 210, строки 21—22 св.). Бирюков продолжил фразу: «само собою разумеется, если работа эта новая, а не сделанная прежде».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.